

Е. А. Полева, Е. И. Мячина

ОБРАЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ГЕРОИНИ В ПОВЕСТИ В. К. ЖЕЛЕЗНИКОВА «ЧУЧЕЛО»

Представлен анализ повести В. К. Железникова «Чучело», написанной в период творческого расцвета писателя (1970-е гг.), приемы раскрытия образа центрального персонажа (использование точек зрения разных субъектов речи, в том числе повествователя и рассказчика; сопоставление именованности и сущности, внутреннего содержания и внешнего облика человека; соотношение поведения персонажей с разными животными; выстраивание аллюзий). Повесть вписывается в контекст исканий нравственного идеала и в русской классической прозе, и современной Железникову литературе. Писатель ставит в центр повести экзистенциальный тип личности, готовой отстаивать свои принципы (непротивление злу насилием, ценность человеческого достоинства, милосердие, веру в торжество доброты) в пограничной ситуации.

Ключевые слова: подростковая литература, психологическая проза, Железников, «школьная повесть», «Чучело», тема жестокости, нравственные ценности, экзистенциальная проблематика, экзистенциальный реализм.

Повесть Владимира Карповича Железникова (род. 1925) «Чучело» (1973–1981) входит в книгу, названную самим автором «Ухожу из детства» и включающую произведения о подростках, стоящих на пороге вступления во взрослую жизнь. По мнению писателя, сложность выхода из детства связана с повышением ответственности за свои нравственные и духовные решения. Совершенные ошибки могут привести к страшным последствиям, но в то же время способствуют накоплению жизненного опыта. «Чем раньше человек задумается об окружающем мире, о своем месте в нем, о ценностях его, о постоянном жестоком противоборстве добра и зла, тем он раньше возмужает, тем быстрее превратится в личность», – отметил В. Железников в предисловии к изданию [1, с. 3–4]. Экзистенциальная проблематика самоопределения и выбора в пограничной ситуации (травли, казни, отчаяния, одиночества, заброшенности, обстоятельствах противостояния с другими) – центральная в анализируемой повести, а образ главной героини Ленки Бессольцевой воплощает писательский идеал личности, способной отстоять нравственные ценности и собственное достоинство.

Несмотря на то что повесть «Чучело» входит в школьную программу и представляет вершинное достижение отечественной подростковой прозы второй половины XX в., она мало изучена филологически¹. Авторы учебников по детской литературе (например, Т. Д. Полозова, И. И. Розанов) отметили и новаторство повести, и ее связь с традициями психологической прозы XIX–XX вв. [4, с. 444; 5, с. 131]. О глубине психологической проработки образов персонажей писали И. Арзамасцева [6, с. 401], Е. Е. Зубарева [7, с. 475], «исповедальный» характер повествования отметили Н. Л. Лейдерман

и М. Н. Липовецкий [8, с. 161]. Учителя-методисты предложили свои варианты изучения проблемы жестокости и самоопределения личности на материале повести «Чучело» [9–11]. Отдельные аспекты поэтики повести (значимость образов искусства, эстетических категорий) изучила Д. Никитина [12]. Однако в имеющихся работах представлены, как правило, общие суждения без системного анализа поэтики произведения либо акцентирован аспект, не совпадающий с объектом данного исследования.

В повествовании образ героини раскрывается посредством ее саморефлексии, т. е. через фигуру рассказчика; объективированного описания портрета и переживаний Ленки концептированным повествователем; передачи восприятия ее персонажами, обладающими разными точками зрения. Одноклассники воспринимают Ленку в контексте своего жизненного опыта и отмечают ее «чужаковатость» и нескладность, вызывающие у них смех и презрение, а бабушка видит во внучке достойную продолжательницу рода Бессольцевых.

Образ Ленки раскрывается в напряженном, наполненном драматизмом сюжете [7, с. 475], в экспозиции которого – приезд Бессольцевой в город ее предков и переход в шестой класс новой для нее школы, где ей и дают прозвище Чучело, а в завязке – объявление Ленке бойкота и начало ее травли из-за обвинения в предательстве [13]. В развитии сюжета важно сопоставление Ленки с зайцем. Начало этому положено в эпизоде посещения детьми фабрики детской игрушки. Ленка примеряет маску зайца, а ребята, надев другие маски, напевают вокруг нее: «Зайка серенький, зайка беленький... Мы тебя перехитрим!» [13, с. 87]. Этот эпизод знаковый, так как в нем определены изначальные роли, которым следуют персонажи-подростки. По мере развития основной коллизии одноклассники реализуют модели поведения хищников (лисы, волка, тигра), а Ленка – зайца, в чем и признается бабушка

¹ Неизученность творчества В. Железникова не столько характеризует отношение исследователей конкретно к этому писателю, а в целом отражает (как уже отмечалось [2, с. 102; 3, с. 86]) ситуацию с осмыслением детско-юношеской литературы, особенно современной.

ке: «Ты представляешь, они гнали меня по городу. На виду у всех. Бежать мне было трудно... Тебя никогда не гоняли, как зайца?..» [13, с. 218].

Сопоставление с беззащитным зверьком позволяет Железникову соотнести внешнюю слабость и внутреннюю силу в образе героини. Ленка не идеализирована, вначале она боится агрессивной толпы одноклассников, испытывает «заячий» страх: начинается повесть с обращения Ленки к бабушке с просьбой уехать из города – это поведение зайца, убегающего от опасности. И бабушка Николай Николаевич сравнивает Лену с зайцем: «Ну что же она такое страшное сделала, что они оттолкнули ее от себя, презрели и гоняли, как зайца?..» [13, с. 51]. Однако бабушка вызывает внучку на откровенный разговор, провоцируя ее определиться: кто она – трусливое животное или храбрый человек?

В отличие от остальных персонажей повести, Ленка является не просто субъектом речи, а рассказчиком, которому автор дает полномочия выразить свою версию событий. Процесс повествования ею о произошедшем важен в повести как акт самосознания. Разбираясь в ситуации, Ленка понимает, что нельзя поддаваться звериному в себе, нельзя бежать, и решает, что больше не будет загнанным зайцем: «Получается, раз побежал – значит виноват. Теперь я ученая – надо отбиваться, если даже их много и тебя бьют. Но бежать нельзя. Тогда я этого не понимала и побежала» [13, с. 219].

Храбрость Ленки – не только в противостоянии толпе и преодолении страха физической расправы и изгояства, но и в честном осознании своих недостатков, ошибок, которые она находит силы признать. В этом она противоположна Димке Сомову, не готовому преодолеть низкое в себе и предавшему не только Ленку, но и собственные идеалы.

В отношении Ленки к Димке, настоящему предателю, выражено важнейшее качество ее личности – способность сопереживать, понимать и прощать. Проникаясь чувствами Димки, она отмечает: «Он еще не знал про себя, что он трус, так же как я не знала, что очень скоро стану предательницей» [13, с. 116]. Соотнесение оступившегося человека с собой, также не безгрешной, позволяет ей не выступать судьей, а осознать и сформулировать свою экзистенциальную вину, связанную не с приписываемыми обществом обвинениями в предательстве одноклассников, которого она не совершала, а с «поддакиванием» тому, в чем не согласна, с отходом от своих ценностей, с ложным стыдом за бабушку, не соответствующим ее настоящему отношению к нему, в чем она признается, искреннее раскаиваясь: «Я тебя стыдилась... что ты ходишь... в заплатках... в старых калошах» [13, с. 279].

Ленка разбирается со своей виной, со своими слабостями, не посягая на исправление других.

Это важное для Железникова качество героини, так как через него писатель доказывает: внешнее воздействие, гонения, казни (Ленку метафорически сжигают на костре) не исправляют человека, могут только сломить его. Единственный путь пробудить в другом самосознание, совесть, гуманность – стоическое сопротивление злу насилием (повесть Железникова однозначно продолжает традиции классической русской литературы, развивая идеи Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого). Поэтому Ленка не выдает Димку-предателя, не произносит слов самооправдания, отказываясь от роли как палача, так и жертвы и давая все новые шансы одноклассникам изменить свое (звериное, по сути) поведение насильников, агрессоров, инквизиторов, того, кто полагает, что он «право имеет» на унижение другого: «Может быть, ей надо выйти и крикнуть все про Димку <...> Но тут же в ней возникло яростное сопротивление, – не подвластное ей, не позволяющее все это сделать. Что это было? Гордость, обида на Димку?.. Нет, это было чувство невозможности и нежелания губить другого человека. Даже если этот человек виноват» [13, с. 181].

Нравственное чувство и идеалы, по мнению В. Железникова, воспитываются не школой, а семьей. Ребенок может следовать за родителями и старшими. Так, у Вальки возникает ценностный приоритет – деньги, ради которых можно и убивать (они со старшим братом отлавливают и сдают на «живодерню» собак), у Лохматого – сила, посредством которой, ему кажется, можно восстановить справедливость, у Шмаковой – внешняя красота [12, с. 314]. Подросток может формировать мнение, отторгая установки родителей, как Железная Кнопка (Миронова), презирующая принцип, по которому живет ее мать: «Она считает, что каждый может жить, как хочет... и делать, что хочет... И ничего ни с кого не спросится. Лишь бы все было шито-крыто» [13, с. 219].

Сопоставление Ленки с Железной Кнопкой осуществляется на уровне и автора (в сюжете), и персонажей (в их оценках друг друга). Оба представляют собой личности, готовые отстаивать свои принципы, но в логике развития действия свою правоту доказала Ленка, ставящая выше справедливости милосердие, выше суда – веру в человека, выше наказания – прощение. Верно отметила Е. Е. Зубарева: «От главы к главе усугубляется конфликт между дегуманизмом нравственности Мироновой и ее компании и гуманностью нравственности Ленки Бессольцевой» [7, с. 477]. Отстаивая идеалы справедливости, Миронова мыслит себя объективным судьей, а в финале выясняется ее неправота, обусловившая трагические последствия травли невинного.

В формировании личности, доказывает В. Железников, важны конструктивные связи между поколениями, которые отсутствуют у подростков-персонажей повести. На фоне одноклассников Ленка выделяется тем, что единственная имеет доверительные отношения со старшим поколением. Через общение с дедушкой (фронтовиком и коллекционером картин) она ощущает живые связи не только со всем родом Бессольцевых, но и с родной историей и культурой, так как представители разных поколений рода являлись творцами и истории (участвуя в освободительных войнах), и культуры, служа образованию (Мария Николаевна Бессольцева «основала женскую гимназию в городке» [13, с. 145]), искусству (в финале дед завещает открыть в его доме музей, где он собрал коллекцию картин, написанных его предком). Связь с родом для Бессольцевых оказывается не пустым ритуалом, а реальным наполнением жизни: позволяет Николаю Николаевичу преодолеть чувство смертности, ощутить, «что его жизнь вечна» [13, с. 185], Ленке – общаться с портретом ее прапрабабушки, «Машки» [13, с. 122]: между предками и потомками возникает метафизическая связь, так как Ленка не только разговаривает с «Машкой», но является ее двойником, повторяя внешний облик [13, с. 121] и наследуя моральные качества Марии Бессольцевой – «жертвенницы» и «святой души» [13, с. 145].

В раскрытии образа Ленки важен интертекстуальный пласт повести. Так, ее участь «быть на костре» [13, с. 208], верность своим принципам и оправдание Ленки одноклассниками после травли и инсценированной казни соотносят ее с Жанной д'Арк, после сожжения реабилитированной и канонизированной святой. Эта аллюзия поддерживается и сходством ее образа с ликом в восприятии дедушки: «...Ленкино лицо показалось ему необычайно одухотворенным: лицо милое, прямо лик святой» [13, с. 124]. Это сравнение и поведение Ленки отсылает к агиографическому мотиву страдания за веру, экзистенциальному по своей сути, так как стоицизм святых, проявленный в отстаивания своей позиции без ответной агрессии, кажется другим абсурдным, но отражает персональный смысл существования.

Ленкино отношение к Димке, в котором она видит храброго рыцаря, готового защищать слабых, отсылает к образу Прекрасной дамы, с которой она сама себя ассоциирует: «...я его поцеловала <...> Так женщины... раньше благодарили рыцарей. <...> А ты, Димка, рыцарь, ты же спас от Вальки собаку и меня» [13, с. 61]. На фоне Димкиного лжерыцарства в сюжете проявляется соответствие образа Ленки идеалу женской мудрости, проявленной в верности своему возлюбленному, готовности терпеливо ждать, когда он очнется от дурного сна

(ср. Бессольцева влюбляется в него из-за сходства его облика со статуей «Уснувшего мальчика» [13, с. 46]), проявит свое рыцарство. Эти качества Ленки подкрепляются и аллюзиями, связанными с ее именем. В отличие от одноклассников и концептированного повествователя, дедушка Бессольцевой, будучи наедине с внучкой, называет ее полным именем – Елена [13, с. 101, 144, 145, 202, 204, 205]. В сочетании с этим характеристики, данные дедушкой, отсылают к образу Елены Прекрасной: «...лицо ее, которое только что было в яростном огне, стало детским, прекрасным...»; «И любовь такой красавицы, такого чудного человека, – с возмущением подумал Николай Николаевич, – отверг этот несчастный, жалкий Димка Сомов!» [13, с. 118, 124]. Речь идет не о конкретном соответствии образа Ленки персонажу древнегреческого эпоса или отечественной сказочной прозы², а о соотношении с устойчивым словосочетанием, имеющим семантику подлинной женственности.

В. Железников использует в повести прием сопоставления именованного и сущности, проявленный уже в названии. Словарное значение слова «чучело» соединяет семантику внешнего подобия чему-то живому и эстетически неприглядного: «1. Фигура животного из набитой чем-н. шкуры его. <...> 2. Пугало для птиц в виде куклы наподобие человека»; в свою очередь, «пугало» в переносном значении – «о человеке с отпугивающей внешностью...» [14, с. 819, 1164]. В сознании детей кличка Чучело относится к Ленке, однако авторская позиция обнаруживается в противопоставлении, во-первых, взгляда подростков и восприятия дедушки, во-вторых, поведения Ленки и других.

Разные точки зрения в повести нужны, чтобы проявить относительность оценок и детерминированность восприятия собственными ценностными установками и жизненным опытом. Нескладность Ленки подтверждается в речи повествователя. Но Железников ставит вопросы: как соотносится внешняя неприглядность с подлинной (духовной) красотой, что страшнее, опаснее – казаться «зверем», пустым внутри, некрасивым (чучелом) или быть им по своей сути?

Тогда как одноклассники вплоть до финала видят себя как «детки из клетки» [13, с. 219], Бессольцева сбрасывает маску зайца, отказываясь от повадок животного-жертвы и от предписываемой ей обществом социальной роли. Но Ленка не свободна от связей с социумом; их с дедушкой дом-музей служит убежищем лишь на время: и сама страшная реальность врывается в него (Димка пу-

² Хотя сказочные аллюзии, в том числе на Елену Прекрасную и на мотив оборотничества (в связи с Димкой, одевающим голову медведя), имеют место в повести и заслуживают отдельного исследовательского внимания.

гает ее чучелом медведя), и Ленка вынуждена выходить во внешний мир [12]. Поэтому Бессольцева в начале травли решает убедить толпу в том, что она не соответствует характеристикам пустого и некрасивого.

Показывая Ленкины попытки, Железников использует семантику волос. В архаических общекультурных значениях волосы связаны с проявлением индивидуального, с личной судьбой, с отражением внутренней силы человека [15]. Вначале Ленка делает в парикмахерской пышную прическу, как бы раскрывая свое я, пытаясь доказать, что она не чучело, но одноклассники воспринимают это не как выражение сущности, а достойное осмеяния внешнее изменение: «И несите как принцессу! Она же у нас красавица, – Шмакова засмеялась» [13, с. 135].

Ложное восприятие Ленки одноклассниками как неприятной не только внешне, но и внутренне (ее обвиняют в предательстве) обусловлено искаженной трактовкой событий: подростки «гоняют» и судят невиновную. Поэтому для Ленки стремление изменить отношение к себе связано с желанием открыть правду, восстановить справедливость. Но, взявшая вину другого, она не может открыться прямо, предать дружбу. Оказавшись без поддержки лжедруга и лжерыцаря Димки, Ленка в предфинальных эпизодах дает еще один шанс одноклассникам отказаться от восприятия человека по внешним, поверхностным, а потому мнимым качествам. Для этого она бреет голову, пытаясь стать действительно похожей на чучело. Сбривание волос в повести является знаком не отказа от индивидуальности и борьбы, а обнажения своего я, бессознательным проявлением своей открытости и незащищенности при готовности идти навстречу опасности для отстаивания своего достоинства. Лысая голова Ленки подчеркнула ее хрупкость («...голова на тонкой шейке, ранний весенний цветок. Вся незащищенная, но какая-то светлая и открытая» [13, с. 220]), на фоне которой проявилась внутренняя сила экзистенциального героя, прошедшего казнь, но не предавшего ни себя, ни другого. В финале Ленка формулирует свою экзистенциальную позицию: «Я была на костре. И по улице меня гоняли. А я никогда никого не буду гонять... И никогда никого не буду травить. Хоть убейте!» [13, с. 329]. Пережив череду предательств и гонений, героиня не ожесточилась, а, наоборот, укрепились в своем стремлении – быть милосердной, даже «к падшему» [13, с. 160]. (И в фамилии героини, образованной от «без соли», отражена семантика не «пресности», а беззлобности, неспособности «насолить», совершить подлость).

Неизвестно, оказало ли влияние на формирование образа Ленки творчество Н. Заболоцкого, но

железниковская героиня схожа с «некрасивой девочкой», а сюжет «Чучела» являет ответ на опасения и надежды лирического субъекта стихотворения: «Среди других играющих детей / Она напоминает лягушонка. <...> Чужая радость так же, как своя, / Томит ее и вон из сердца рвется, / И девочка ликует и смеется, / Охваченная счастьем бытия. / Ни тени зависти, ни умысла худого / Еще не знает это существо. / Ей все на свете так безмерно ново, / Так живо все, что для иных мертво! / И не хочу я думать, наблюдая, / Что будет день, когда она, рыдая, / Увидит с ужасом, что посреди подруг / Она всего лишь бедная дурнушка! / Мне верить хочется, что сердце не игрушка, / Сломать его едва ли можно вдруг! / Мне верить хочется, что чистый этот пламень, / Который в глубине ее горит, / Всю боль свою один переболит / И перетопит самый тяжкий камень! / И пусть черты ее нехороши / И нечем ей прельстить воображение, – / Младенческая грация души / Уже сквозит в любом ее движении» («Некрасивая девочка», 1955) [16].

На вопрос в стихотворении Н. Заболоцкого («А если это так, то что есть красота / И почему ее обожествляют люди? / Сосуд она, в котором пустота, / Или огонь, мерцающий в сосуде?») В. Железников отвечает сопоставлением Бессольцевой и Шмаковой. В финале повести бессердечие обесценивает внешнюю привлекательность последней даже для слепо любящего ее Попова, а Ленкина внутренняя красота, обусловленная духовно-нравственной чистотой поступков и помыслов, становится зримой. Осознание другими внутренней красоты Бессольцевой дано в развязке сюжета, когда дети улавливают сходство Ленки с образом на подаренном Николаем Николаевичем портрете: «Все молча смотрели на картину. / И тоска, такая отчаянная тоска по человеческой чистоте, по бескорыстной храбрости и благородству все сильнее и сильнее захватывала их сердца и требовала выхода» [13, с. 221].

Проведенный анализ позволяет утверждать, что повесть «Чучело» вписывается в основные тенденции поисков нравственно-этических основ социального существования как в классической русской литературе, так и прозе 1970-х гг. В. Железников наряду с В. Распутиным, В. Астафьевым, В. Маканиным и другими утверждает значимость исторической, культурной и родовой памяти, семьи, Родины, других традиционных ценностей, отказ от которых оборачивается разрушением личности и моральной деградацией общества. Более всего проблематика и поэтика повести вписывается в контекст экзистенциального реализма, в произведениях которого «личность должна обрести индивидуальный смысл существования в релятивном мире (абсолюты), должна сохранить им верность в

реальном существовании, а персональные усилия по сохранению духовных ценностей признаются значимыми» (Т. Л. Рыбальченко) [16]. Ленка Бессольцева соответствует типу экзистенциального героя – носителя персонального сознания (но не индивидуалиста), способного к саморефлексии и осознанию своих (субъективно понятых как обязательные и подлинные) долга и вины, находящегося в пограничной ситуации, требующей не только выбора, но ответственности за свои решения. Как и в других произведениях этого течения, выход к «подлинному существованию» осуществляется в повести через «самоопределение личности в подавляющих социальных обстоятельствах» [17]. При этом выбор экзистенциального героя всегда – отказ от компромисса, принятие физического, внешнего поражения (смерти, лишения свободы, утраты комфортного сосуществования с другими) для сохранения своих ценностей, так как достоинство для экзистенциальной личности ценнее жизни, правда – важнее комфорта.

В отличие от критического реализма, дающего типологические обобщения современности, в экзистенциальном реализме важно «соотнесение конкретно-исторической ситуации с ситуациями прошлого», «выявление авторской концепции в системе культурных аллюзий» [18]. Сопоставляя приоритеты Ленкиных одноклассников и семьи

Бессольцевых, В. Железников ставит проблему кризиса гуманистических ценностей, не ограничиваясь социальным срезом 1970-х годов и «школьной» темой: через аллюзии к временам средневековой инквизиции и советской практике поиска «врагов народа», «предателей идеалов коммунизма» эта проблема звучит как вечная, исторически повторяющаяся, в основе которой деление людей на жертв и палачей, «тварей дрожащих» (зайцев) и «право имеющих» (хищников). Снимая дилемму героя романа Ф. М. Достоевского, Ленка утверждает экзистенциальную мировоззренческую позицию: человек и не тварь дрожащая, и право не имеет посягать на жизнь и свободу другого. Единственное его право – отстаивать свое достоинство.

В отличие от «взрослой» литературы (прозы А. Солженицына, В. Шаламова, В. Быкова, Ю. Домбровского и др.), где чаще всего экзистенциальная борьба героя за свое я не меняет обстоятельств и сознания окружающих (что подчеркивает бессмысленность поведения персонажа с точки зрения прагматики существования), В. Железников в финале выражает надежду на то, что личный пример может сподвигнуть других к переоценке своего поведения, взглядов, жизненных ориентиров, и веру в торжество справедливости, гуманизма, духовно-нравственных ценностей.

Список литературы

1. Железников В. К. Творцы собственной жизни. Вместо предисловия // Ухожу из детства: повести. М.: Молодая гвардия, 1983. С. 3–4.
2. Полева Е. А. Детская литература: учебно-методическое пособие. Томск: Изд-во ТГПУ, 2013. 144 с.
3. Полева Е. А. Педагогические взгляды детского писателя Г. Остера и особенности их выражения // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2013. Вып. 6 (134). С. 86–92.
4. Русская литература для детей: учебное пособие / под ред. Т. Д. Полозовой. М.: Академия, 1998. 512 с.
5. Чернявская Я. А., Розанов И. И. Русская советская детская литература: учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Минск: Высшая школа, 1984. 512 с.
6. Арзамасцева И. Н., Николаева С. А. Детская литература: учебник. 4-е изд., испр. М.: Академия, 2008. 574 с.
7. Детская литература: учебник / Е. Е. Зубарева, В. К. Сигов, В. А. Скрипкина и др.; под ред. Е. Е. Зубаревой. М.: Высшая школа, 2004. 551 с.
8. Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература: 1950–1990-е годы: учебник: в 2 т. Т. 1: 1953–1968. М.: Академия, 2003.
9. Осетрова О. А. Так слову жизнь дана: по книге В. Железникова «Чучело» // Русский язык. 1999. Авг. (№ 30). С. 2–4.
10. Коржук С. В. Разговор о жестокости в 6-м классе: по книге В. Железникова «Чучело» // Литература. 1996. № 14. С. 1.
11. Хакимова Г. Г. Урок-конференция по книге В. Железникова «Чучело»: «Уроки жизни, уроки доброты». URL: <http://festival.1september.ru/articles/518740/> (дата обращения: 12.01.2015).
12. Никитина Д. Тема искусства в повести В. Железникова «Чучело» // Материалы XVI Всероссийской с международным участием конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование» (19–23 апреля 2010 г.): в 6 т. Т. II. Филология. Ч. I. Русский язык и литература. С. 313–318.
13. Железников В. К. Чучело. М.: Астрель: АСТ; Владимир: ВКТ, 2010. 348 с.
14. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. М.: ОНИКС 21 век, Мир и образование, 2003. 1200 с.
15. Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей (реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского). М.: Изд-во Московского ун-та, 1982. 248 с.
16. Заболоцкий Н. Стихотворения и поэмы. Ростов н/Д: Ирбис, 1999. 408 с.

17. Рыбальченко Т. Л. История литературы XX века как история литературных течений // Вестн. Томского гос. ун-та. № 268. 1999. С. 68–72.
18. Рыбальченко Т. Л. История русской литературы: 1950–1980 годов (реализм): методическое пособие. Томск: ТГУ, 2012. URL: <http://reftrend.ru/767788.html> (дата обращения: 12.02. 2015).

Полева Е. А., кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, г. Томск, Россия, 634061.

E-mail: polevaea@sibmail.com

Мячина Е. И., студентка.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, г. Томск, Россия, 634061.

E-mail: katyspicean@mail.ru

Материал поступил в редакцию 24.02.2015.

E. A. Poleva, E. I. Myachina

IMAGE OF THE LEADING CHARACTER IN THE STORY OF VLADIMIR ZHELEZNIKOV “SCARECROW”

The authors analyse Zheleznikov’s story the “Scarecrow” written in the flourishing period of the writer (in the 1970s), and reveal the ways to bring out the image of the leading character, such as: showing the points of view of different subjects of speech including the storyteller; the comparison of names of characters and their inward nature, the comparison of the internal and external of characters; the comparison of characters’ behaviour with different animals; using allusion). The story fits into the context of searches of moral ideal in the Russian classical prose and in the literature contemporary with Zheleznikov. The writer puts the existential type of character in the centre, who is ready to defend the principles such as: non-resistance to evil by force, value of human dignity, mercy, belief in the triumph of kindness, in an extreme situation.

Key words: *the youth literature, psychological prose, Zheleznikov, “the school novella”, “Scarecrow”, topic of cruelty, moral values, existential problematics, existential realism.*

References

1. Zheleznikov V. K. *Tvortsy sobstvennoy zhizni. Vmesto predisloviya* [Creators of own life. Instead of the foreword]. *Ukhozhu iz detstva: povesti* [I leave the childhood: novellas]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1983 (in Russian).
2. Poleva E. A. *Detskaya literatura: uchebno-metodicheskoye posobiye* [Children’s literature: study guide]. Tomsk, TGPU Publ., 2013. Pp. 86–93. (in Russian).
3. Poleva E. A. *Pedagogicheskiye vzglyady detskogo pisatelya G. Ostera i osobennosti ikh vyrazheniya* [Pedagogical views of children’s writer G. Oster and peculiarities of their expressing]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2013, vol. 6 (134), pp. 86–92 (in Russian).
4. *Russkaya literatura dlya detey: uchebnoye posobiye* [Russian literature for children: textbook]. Ed. by T. D. Polozova. Moscow, Akademiya Publ., 1998. 512 p. (in Russian).
5. Chernyavskaya Ya. A., Rozanov I. I. *Russkaya sovetskaya detskaya literatura: uchebnoye posobiye* [Soviet children’s literature: teaching aid]. 2nd ed. Minsk, Vysshaya shkola Publ., 1984. 512 p. (in Russian).
6. Arzamastseva I. N., Nikolaeva S. A. *Detskaya literatura: uchebnyk* [Children’s literature: textbook]. 4th ed. Moscow, Akademiya Publ., 2008. 574 p. (in Russian).
7. Zubareva E. E., Sigov V. K., Skripkina V. A. et al. *Detskaya literatura: uchebnyk* [Children’s literature: textbook]. Ed. E. E. Zubareva. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2004. 551 p. (in Russian).
8. Leyderman N. L., Lipovedkiy M. N. *Sovremennaya russkaya literatura: 1950–1990-e gody: uchebnyk* [Contemporary Russian literature: 1950–1990: textbook]. Vol. 1: 1953–1968. Moscow, Akademiya Publ., 2003 (in Russian).
9. Osetrova O. A. *Tak slovu zhizn’ dana: po knige V. Zheleznikova “Chuchelo”* [So the life to word is given: on the book of Vladimir Zheleznikov “Scarecrow”]. *Russky yazyk – Russian language*, 1999, no. 30, pp. 2–4 (in Russian).
10. Korzhuk S. V. *Razgovor o zhestokosti v 6-m klasse: po knige V. Zheleznikova “Chuchelo”* [The talk about cruelty in the 6th grade: on the book of Vladimir Zheleznikov “Scarecrow”]. *Literatura – Literature*, 1996, no. 14, p. 1 (in Russian).
11. Khakimova G. G. *Urok-konferentsiya po knige V. Zheleznikova “Chuchelo”: “Uroki zhizni, uroki dobroty”* [Lesson-conference on the book of Vladimir Zheleznikov “Scarecrow”: Lessons of life, lessons of kindness] URL:<http://festival.1september.ru/articles/518740/> (accessed 12 January 2015) (in Russian).
12. Nikitina D. *Tema iskusstva v povesti V. Zheleznikova “Chuchelo”* [The topic of art in the book of Vladimir Zheleznikov “Scarecrow”]. *Materialy XVI Vserossiyskoy s mezhdunarodnym uchastiyem konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh “Nauka i obrazovaniye” V 6 t. Tom II.*

- Filologiya. Chast' I. Russkiy yazyk i literatura*. [Materials of the Russian conference with international participation of students, post-graduate students and young scientists "Science and education"]. Vol. 2 "Philology. Part 1 Russian language and literature". 2010. Pp. 313–318 (in Russian).
13. Zheleznikov V. K. *Chuchelo* [Scarecrow]. Moscow, Astrel Publ., AST Publ., Vladimir, VKT Publ., 2010. 348 p. (in Russian).
 14. Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo yazyka* [Russian dictionary]. Ed. prof. L. I. Skvortsova. Moscow, ONIKS 21 vek Publ., 2003. 1200 p. (in Russian).
 15. Uspenskiy B. A. *Filologicheskiye razyskaniya v oblasti slavyanskikh drevnostey. (Relikty yazychestva v vostochnoslavlyanskom kul'te Nikolaya Mirlikiyskogo)* [Philological investigations in the field of slav antiquity (Relics of paganism in the East-Slavic cult of Nikolay Mirlikiysky)]. Moscow, MGU Publ., 1982. 248 p. (in Russian).
 16. Zabolotskiy N. *Stikhotvoreniya i poemy* [Poems]. Rostov-on-Don, Irbis Publ., 1999. 408 p. (in Russian).
 17. Rybal'chenko T. L. *Istoriya literatury XX veka kak istoriya literaturnykh techeniy* [History of literature of 20th century as history of literary trends]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – TSU Bulletin*, 1999, vol. 268, pp. 68–72 (in Russian).
 18. Rybal'chenko T. L. *Istoriya russkoy literatury: 1950–1980 godov (realizm): metodicheskoye posobiye* [History of Russian literature of 1950–1980 s (realism)]. Tomsk, TGU Publ., 2012. URL: <http://refrend.ru/767788.html> (accessed 12 February 2015) (in Russian).

Poleva E. A.

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: polevaea@sibmail.com

Myachina E. I.

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: katyspiceman@mail.ru